

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-9-32

Е.А. Закрыжевская

Независимый исследователь,
119361 г. Москва, Российская Федерация

**Борис Пастернак глазами
В. Ходасевича и «Гулливера»**

Личные и литературные отношения между В.Ф. Ходасевичем и Б.Л. Пастернаком с трудом восстанавливаются по достаточно ограниченному числу документов, высказываний и косвенных свидетельств. В то же время тема для историка литературы весьма интересна, т.к. отражает не только противостояние двух поэтов-современников, но и двух совершенно разных поэтических систем. Литературная хроника (с конца 1927 г. она называлась «Литературная летопись», с начала следующего года выходила за подписью «Гулливер»), которую Ходасевич вел совместно с Н.Н. Берберовой на протяжении более чем двенадцати лет в эмигрантской газете «Возрождение», проливает свет на некоторые аспекты отношений Ходасевича и Пастернака, особенно в 1930-х гг., когда мы практически не встречаем авторизованных высказываний Ходасевича о Пастернаке.

Ключевые слова: В.Ф. Ходасевич, Б.Л. Пастернак, Н.Н. Берберова, история журналистики, русская эмиграция первой волны, газета «Возрождение», «Литературная летопись», литературная хроника, советская литература, Гулливер

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Закрыжевская Е.А. Борис Пастернак глазами В. Ходасевича и «Гулливера» // Рема. Rhema. 2022. № 1. С. 9–32. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-9-32

© Закрыжевская Е.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-9-32

E.A. Zakryzhevskaya

Independent researcher,
Moscow, 119361, Russian Federation

**Boris Pasternak as seen
by V. Khodasevich and “Gulliver”**

Personal and literary relations between Vladislav Khodasevich and Boris Pasternak can hardly be reconstructed from a rather limited number of documents, statements and circumstantial evidence. At the same time, the topic is very interesting for the historian of literature, because reflects not only the confrontation between two contemporary poets, but also two completely different poetic systems. Literary chronicle (from the beginning of the next year it was published under the signature “Gulliver”), which Khodasevich led together with Nina Berberova for more than twelve years in the emigrant newspaper “Vozrozhdeniye”, sheds light on some aspects of the relationship between Khodasevich and Pasternak, especially in the 1930s, when we practically do not meet Khodasevich’s authorized statements about Pasternak.

Key words: Vladislav Khodasevich, Boris Pasternak, Nina Berberova, Russian émigré journalism, First Wave, newspaper “Vozrozhdenie”, Gulliver

FOR CITATION: Zakryzhevskaya E.A. Boris Pasternak as seen by V. Khodasevich and “Gulliver”. *Rhema*. 2022. No. 1. Pp. 9–32. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-9-32

Среди текстов еженедельной литературной хроники, которую совместно вели В.Ф. Ходасевич и Н.Н. Берберова на страницах эмигрантской газеты «Возрождение» в 1927–1939 гг., особое место принадлежит заметкам о Б.Л. Пастернаке.

Именно после того, как Дж. Малмстад в своей статье, посвященной взаимоотношениям Ходасевича и Пастернака, обратился к «Литературной летописи» (так называлась хроника с конца 1927 г., с начала следующего года она выходила за подписью «Гулливер»), исследовательский интерес к материалам хроники значительно возрос. Высказывания

из летописи дополнили список суждений Ходасевича о Ю. Тынянове [Богомолов, 2008], А. Белом [Яковлева, 2008], К. Вагинове [Ходасевич, 2010, с. 637–639], Н. Заболоцком [Заболоцкий, 2010, с. 303–307], В. Маяковском [Вайсбанд, 2017], М. Горьком [Черкасов, 2018а]. Несколько научных статей были посвящены бытованию хроники в газетном дискурсе эпохи и проблеме авторства [Богомолов, 2012; Закрыжевская, 2016, 2018, 2020а, 2020б; Черкасов, 2018б; Яковлева, 2006, 2007].

Что касается вопроса о взаимоотношениях Ходасевича и Пастернака, то, хотя он был очень обстоятельно рассмотрен Малмстадом, все же до сих пор не вполне исчерпан [Богомолов, 1990, 2010; Сергеева-Клятис, 2016, 2021]. Основной пункт Малмстада, который вызывает разногласия, – замечание последнего о том, что Ходасевич «безоговорочно бы одобрил» [Малмстад, 1990, с. 57] позднее творчество Пастернака.

Принимая во внимание вышесказанное, а также то, что в статье Малмстада приводятся не все случаи упоминания Пастернака в хронике, мы решили вновь обратиться к теме «Пастернак в “Литературной летописи” Гулливера». Это существенно еще и потому, что Гулливер порой был достаточно противоречив, оценивая произведения Пастернака.

Поскольку, разбирая псевдонимные публикации хроники, мы будем прибегать к идейному анализу заметок Гулливера, дополняя этим документальные источники атрибуции, каковых, к сожалению, немного, в первой части статьи кажется необходимым еще раз (вслед за Дж. Малмстадом, Н.А. Богомоловым, А.Ю. Сергеевой-Клятис) остановиться на сравнении творческих систем Ходасевича и Пастернака.

Во второй части статьи мы приведем как уже известные, так и ранее не рассматривавшиеся замечания Гулливера о Пастернаке, проследим, как менялось отношение хроникера к поэту, атрибутируем отдельные выпуски «Летописи» Ходасевичу или Берберовой.

1. В.Ф. Ходасевич и Б.Л. Пастернак: два поэтических мира

Резкие критические высказывания Ходасевича о поэзии Пастернака в 1920-х гг. известны даже тем, кто лишь понаслышке знает о взаимоотношениях двух поэтов. Исследователи называли различные причины, побудившие Ходасевича негативно отзываться о творчестве своего современника. Так, Дж. Малмстад подчеркивал разделявшие Ходасевича и Пастернака групповые интересы (Пастернак принадлежал к футуристам, направление, которое Ходасевич категорически отрицал) и отчасти связанные с групповыми интересами личные основания (после того, как друг Пастернака футурист Н.Н. Асеев раскритиковал

в статье книгу стихов Ходасевича «Тяжелая лира», а Пастернак в разговоре с Ходасевичем отреагировал на это не так, как хотелось бы последнему, отношения между ними были разорваны). А.Ю. Сергеева-Клятис добавила к этому «ревность к славе Пастернака», которую, по ее словам, испытывал Ходасевич [Сергеева-Клятис, 2021, с. 326]. Н.А. Богомолов полагал, что не менее важными, чем литературные и личные расхождения, для Ходасевича были причины внутреннего толка, которые и определили «глубину и болезненность разрыва между двумя людьми, чувствующими свое кровное поэтическое и духовное родство» [Богомолов, 1990а, с. 61], он утверждал, что «в самих основаниях мировосприятия Ходасевича и Пастернака лежало нечто разделяющее их настолько, что сближение казалось невозможным» [Там же, с. 62].

На наш взгляд, именно оптика, предложенная Богомоловым, позволяет верно представить, каким могло быть отношение Ходасевича к лирике Пастернака в период, когда критик практически перестал упоминать о нем в статьях за своей подписью (1930-е гг.). И особенно важно, что подход Богомолова позволяет учитывать не только противоречия, разделявшие поэтов, но также и «тяготение» их друг к другу «находившее, очевидно, некоторую опору и в стихах» [Там же]¹, в то время как этот аспект взаимоотношений поэтов остается в стороне, если принимать во внимание только внешние причины их противостояния.

Рассматривая в статье «Выбор путей» «принципиальные основы сотворения» поэтических миров Ходасевича и Пастернака, Богомолов писал, что для Пастернака «творчество предстало как постижение сути мира, а не как его претворение в стихотворение, на чем неоднократно и по разным поводам настаивал Ходасевич» [Там же]. В доказательство он приводит некоторые высказывания Пастернака, а также разбирает стихотворение Ходасевича «Жив Бог! Умен, а не заумен...», в черновике открывающееся словами «Через века пройдет мой трепет...», явно полемизирующее с футуризмом. Мы же обратимся к программной «Балладе», содержание которой, очевидно, не было нацелено на какую-либо полемику, а потому передает творческий метод Ходасевича как бы «в чистоте».

Однако начнем мы не с нее, а со статьи Юрия Терапиано, вышедшей в 1926 г. Она была помещена в первом номере журнала «Новый дом», который редактировала Берберова совместно с Терапиано, Довидом

¹ Об этой стороне взаимоотношений см. статью Н.А. Богомолова «Ходасевич и Пастернак: ранние пересечения» [Богомолов, 2010].

Кнутом и Всеволодом Фохтом². Статья довольно обстоятельна и, вероятно, отражает общий взгляд редакции журнала на поэтические системы Ходасевича и Пастернака, а поэтому может служить отправной точкой наших рассуждений, в которых взгляд Берберовой на творчество Пастернака также будет своевременно учтен. Статья называется «Два начала русской современной поэзии» и посвящена сравнительному анализу творчества Ходасевича и Пастернака³. В ее основу легли тезисы к докладу, прочитанному автором в Союзе молодых поэтов и писателей 3 июля 1926 г. В ней говорится, что «за всем его (Пастернака. – Е.З.) “ливнем слов” не видно костяка, остова, мысли», «огромный напор овладевающего им стихийного чувства борется и не может совпасть с имеющимися в распоряжении поэта средствами выражения», в этом заключается, по мнению критика, трагедия «несовершенного логоса» [Терапиано, 1926, с. 21]. «Пастернак движется по совсем иному (в отличие от Ходасевича. – Е.З.) внутреннему кругу: круг этот имеет общее с некоторыми состояниями радения и дервишизма, и окрашен тем же отблеском чувственности» [Там же]. Отдавая предпочтение стихотворной манере Ходасевича и утверждая, что только он, а не Пастернак, может создать школу, а, следовательно, продуктивно то начало поэзии, которое он собою выражает, Терапиано все же вскользь упоминает, что иногда Пастернак достигает «почти подлинной остроты выражения» и (парадокс!) что именно в «недовоплощенности кроется, может быть, весь секрет обаяния Пастернака» [Терапиано, 1926, с. 23]. Однако, как бы опомнившись, автор сразу же замечает, что «здоровой психике» стихи Пастернака должны казаться «бессмыслицей» [Там же]. «Поскольку Пастернак в силу своей психической механики должен неминуемо разбиваться о невозможность осознать, постольку Ходасевич вполне справляется со своим чувством» [Терапиано, 1926, с. 26]. Таковы основные положения статьи, которые касаются Пастернака. О тех, что относятся к Ходасевичу, мы здесь подробно говорить не будем, отметим только, что несмотря на полную лояльность к последнему (старшим

² С Всеволодом Фохтом также было связано литературное начинание другого рода: вероятно, именно он пригласил Берберову прочесть доклад о символизме (подготовленный, по-видимому, не без участия Ходасевича [Полонский, 2019, с. 371]) во Франко-русской студии, собрания которой проходили в Париже в 1929–1931 гг. [Livak, 2005, p. 370–382].

³ Интересно отметить, что номер открывается стихами Ходасевича «Бедные рифмы», за ними следуют стихи Адамовича. В 1926 г. Ходасевич и Адамович еще не создали лучших статей, ставших позднее средоточием их многолетней литературной полемики и результатом принципиальной несхожести взглядов на развитие литературы вообще и эмигрантской литературы в особенности, не создали каждый своей поэтической школы среди молодого поколения литераторов-эмигрантов, однако противопоставленные (или сопоставленные), они и тогда задавали полемический тон новому изданию.

поколением эмигрантских писателей «Новый дом», из-за участия в нем Берберовой, воспринимался как руководимый Ходасевичем [Гиппиус, 1978, с. 10]⁴, все же само сопоставление Пастернака и Ходасевича было для последнего несколько опасным, т.к., в сущности, заставляло недоброжелателей обратить внимание именно на те особенности его поэзии, в которых он был уязвим для критики.

Двумя годами позже, в своем знаменитом выступлении «в защиту Ходасевича» на страницах «Последних новостей» язвительный Георгий Иванов, возмущаясь сравнением Ходасевича с Блоком (сделанным З.Н. Гиппиус [Крайний, 1927, с. 2–3]) напишет: «Стихи Блока – “растрепанная” путаница, поэзия взлетов и падений, и падений в ней, конечно, в тысячу раз больше. Но путаница эта вдруг “как-то”, “почему-то” озаряется “непостижимым умом”, “райским” светом, за который прощаешь все срывы, после которого пресным кажется “постижимое” совершенство» [Иванов, 1928, с. 3]. И здесь можно было бы вместо имени Блока (а возможно, и с большими основаниями) подставить имя Пастернака. И обратно: это могли бы быть слова Юрия Терапиано, если бы он вздумал дать своему анализу противоположный вектор – показать преимущества, которые имеет Пастернак перед Ходасевичем. Подбор материала в статье «Два начала русской современной поэзии» таков, что с успехом мог бы служить двум полярным целям. Это видно из уже приведенных цитат и становится еще нагляднее, если обратиться к разбору стихотворения Пастернака «Мой стол не столь широк, чтоб грудью всею...», сделанному Терапиано: «Мучительно налегающее движение на “борт стола” разрешено здесь двигательным заведением “локтя за край”. Но при обратной попытке перейти из мира конкретного (“борт стола”) в мир напряжения осязаемого (“край тоски”), избрав базой полуосязательный образ “перешеек”, Пастернак не выдерживает и срывается. Следующая, четвертая строка рубящим ритмом, разрывами между каждым словом – “сквозь-столько-верст-...” как бы тормозит не находящее русла чувство» [Терапиано, 1926, с. 22]. То, что Терапиано видит как недостатки поэзии (речь, естественно, о поэзии Пастернака, но, помня название статьи, думается, можно говорить о поэзии вообще): срывы, чувство, перехлестывающее через край, упорно не дающее облечь себя в стройную поэтическую форму, сама случайность достигнутой остроты выражения), по Иванову, – качества, отличающие подлинную поэзию, поэзию «Божьей милостью».

Может быть, известную справедливость такого взгляда хотя бы отчасти чувствовал и сам Ходасевич (не зря после статьи Иванова между

⁴ В действительности вопрос о том, насколько статья Терапиано «санкционирована» Ходасевичем, не так прост. Хотя бы то, что автор апеллирует к психоанализу, вряд ли говорит в пользу предположения о серьезном вмешательстве мэтра в редакционную политику журнала «молодых».

ними разгорелась литературная война) [Терапиано, 2014, с. 136–160], и совершенно точно это уловила Марина Цветаева. Близкая и Ходасевичу, и Пастернаку, она писала последнему в 1926 г.:

Не огорчайся, что тебе делать с любовью Ходасевича? Зачем она тебе? Ты большой и можешь любить (включ<ительно>) и Ходасевича. Он – тобой – разорвется, взорвется, на тебе сорв<ется>. Его нелюбовь к тебе – самозащита. Цену тебе (как мне) он знает [Цветаева, Пастернак, 2017, с. 167].

Очевидно, что речь здесь не идет о противостоянии в критике и «самозащите» в критике, поскольку в эмигрантской и советской прессе не могла разгореться полемика в полном смысле этого слова: советскому писателю, скорее, могли навредить неумеренные похвалы эмигрантов, чем замечания с их стороны. Хотя письмо Цветаевой отправлено в апреле и отсылает к статье Ходасевича, посвященной литературному конкурсу «Звена» [Ходасевич, 1926, с. 3], мы, тем не менее, склонны интерпретировать эту оценку Цветаевой как некоторый общий вывод, вызванный несовпадением поэтических миров двух поэтов (и ее самой, в этом случае примыкающей к Пастернаку). Тогда «самозащита» может быть понята нами как защита от хаоса действительности, хаоса звуков, который ведь не всегда удается победить.

Этот процесс, по-видимому, болезненный, описан в одном из самых известных стихотворений Ходасевича, в «Балладе», созданной в 1921 г. (строфы V–VII):

*И я начинаю качаться,
Колени обнявши свои,
И вдруг начинаю стихами
С собой говорить в забытьи.*

*Бессвязные, страстные речи!
Нельзя в них понять ничего,
Но звуки правдивее смысла,
И слово сильнее всего.*

*И музыка, музыка, музыка
Вплетается в пенье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзает меня лезвиё.*

[Ходасевич, 2009, с. 152]

Франк Гёблер справедливо замечает: «Лирический герой впадает в своего рода транс: качается, обняв колени, произносит бессвязные бессознательные речи» [Гёблер, 2002]. (Вспоминается «дервишизм» Пастернака из статьи Терапиано). Кажется вполне очевидным, что этот разговор стихами с самим собою еще не может вдохнуть жизнь в жалкие вещи,

окружающие поэта (более того, как видно из строфы IV, его жалость в равной мере распространяется и на вещи, и на самого себя, чем, на наш взгляд, подчеркивается изначальная беспомощность того, кто в конце стихотворения превратится в могущественного певца Орфея).

Для того, чтобы подняться над «мертвым бытием» и затем заставить внимать себе костную материю, поэт должен пройти через некоторые изменения. И важный вопрос: какое воздействие он испытывает первым, что запускает череду метаморфоз? Сначала кажется, что это музыка, которая вплетается в пение поэта (строфа VII). Однако стоит присмотреться к предыдущей строфе, и мы увидим, что, возможно, рассудили ошибочно.

Шестая строфа стихотворения, пожалуй, самая непонятная во всей «Балладе». Здесь постулируется: *звуки правдивее смысла*, что вызывает невольное удивление, т.к. именно нехватку смысла усматривает Ходасевич в стихах у своего антагониста Пастернака (и не только у него), требует смысла, да притом полновесного, а не всего только «кочерыжку» [Ходасевич, 2009–2010, с. 358]. Кроме того, неясно что имеет в виду поэт, когда добавляет: *И слово сильнее всего*.

П.Ф. Успенский в статье «“Лиры лабиринт”: почему В.Ф. Ходасевич назвал четвертую книгу стихов “Тяжелая лира”?» обращает внимание, что в этой строфе «культ слова как такового» соединяется с «подчеркнутым непониманием того, что говорится» [Успенский, 2014, с. 459]. Нам представляется, источник этого кажущегося противоречия в том, что слово, которое *сильнее всего*, и *бессвязные... речи* поэта находятся на разных ступенях иерархии, т.к. исходят от разных акторов.

«Бессвязная» речь жалкого, смущенного поэта преобразуется могущественным «словом», действие которого подобно действию «божественного глагола» в стихотворении А.С. Пушкина «Поэт» (1827 г.)⁵. *Звуки правдивее смысла*, т.к. как до превращения в Орфея смысл в них может вложить только сам поэт, и в нем тогда будет заключена обыкновенная человеческая правда, а не поэтическая – если хотите, «пустая справедливость»⁶. Но, по Ходасевичу, поэт должен дожидаться, когда среди его собственной неразборчивой речи прозвучит «слово», или «Бога глас» или

⁵ Между «Поэтом» Пушкина и «Балладой» Ходасевича есть немало очевидных пересечений, начиная с «ничтожного» положения поэта до того, как «встрепенется» его душа от прикосновения «божественного глагола» у Пушкина, – и смущенного, жалкого лирического героя Ходасевича, не знающего, куда девать руки в своей собственной комнате, словно в обществе, полном незнакомых людей. С «Поэтом» сближает стихотворение Ходасевича также «подчеркнуто» открытый финал. Кроме того, эпитет *дикий*, думается, пришел в «Балладу» именно оттуда. Насколько нам известно, ранее «Поэт» не рассматривался исследователями среди источников «Баллады». Единственное упоминание этого стихотворения в ее контексте находим в статье П.Ф. Успенского [Успенский, 2014, с. 464].

⁶ См. стихотворение Ходасевича «Кто счастлив честно женой...» [Ходасевич, 2009, с. 313].

«Божественный глагол» и разбудит его, выведет из транса и преобразит. Тогда все, что он скажет, будет иметь уже совершенно иной смысл, непреходящий, доступный для передачи только поэтическому языку⁷.

Итак, можно предположить, что «дервишизм» Пастернака, выбор будто бы первых попавшихся слов, туманные метафоры, иногда поспрашивание правил грамматики, по мнению Ходасевича, сводили поэзию к тому бормотанию с самим собой, которым она начинается, но отнюдь не исчерпывается. Поэтическая система Пастернака не только была Ходасевичу глубоко чуждой – признав единожды в ней высокую поэзию, он бы тем самым подорвал собственное представление об истинном творчестве.

Эти соображения мы учтем в следующей части нашей статьи, где рассмотрим разные, в том числе благосклонные, отзывы Гулливера о Пастернаке.

2. Гулливер о Пастернаке

Будучи главным критиком газеты «Возрождение» на протяжении двадцати с половиной лет, Ходасевич так и не посвятил Пастернаку особой статьи. Упоминания о Пастернаке рассыпаны в текстах о литературе эмиграции, о стихах Константина Вагинова, поэтических сборниках Николая Оцупа и Юрия Терапиано, встречаются в «пушкинской» полемике с Георгием Адамовичем и проч. Кроме того, как уже было отмечено в начале статьи, одним из наиболее продуктивных источников, который может дать исследователям дополнительные сведения об отношении Ходасевича к Пастернаку, является литературная хроника.

В 1927 г. Пастернак, по выражению Малмстада, оказался «под перекрестным огнем» Ходасевича и Адамовича в их споре о путях русской поэзии, «играя роль если не врага, то фона, на котором Ходасевич разворачивал свои позиции» [Малмстад, 1990, с. 57]. Соответственно, и отзывы Гулливера в этот период были, пожалуй, самыми резкими за всю историю ведения хроники. То же можно сказать о заметках 1928 г. Поскольку в статье Малмстада период 1927–1930 гг. разобран подробно, мы отметим только не попавшие в поле его зрения выпуски. Так, 4 октября 1928 г. (№ 1220), сообщается, что в № 8 «Звезды» (1928)

⁷ Ранее Франк Гёблер уже отмечал центральное значение шестой строфы не только по расположению, но и по значению. Он точно определил, что в ней закреплено «принципиальное разделение на слово — как звук и слово — как носитель смысла» и что строфа делит стихотворение «на две части по следующему признаку: от лица обыкновенного индивидуума и квазимифологического сверхчеловека» [Гёблер, 2002]. То и другое видится исследователем как результат применения «принципа разделения», который «используется Ходасевичем как средство достижения равновесия» [Там же]. В свою очередь «пренебрежение принципом равновесия способно вылиться в бессмысленный эксперимент, банальность, отчаяние или безумие» [Там же].

«Пастернак дал стихи “Из старой тетради” (1913–1928 гг.) Общий звук их и некоторые интонации до странности напоминают последние стихи Марины Цветаевой» (Возрождение. 1928. 4 октября, № 1220. С. 3)⁸. Затем 8 ноября того же года (№ 1255) упомянуто: «Пастернак упорно печатает старые стихи, помечая их 1915–1928 гг. В номере («Звезда» № 9 (1928). – Е.З.) напечатано его стихотворение “Марбург”: <...> Тут же четверостишие, по мнению Маяковского⁹, ставшее классическим: В тот день всю тебя от гребенок до ног...» (Возрождение. 1928. 8 ноября, № 1255. С. 3). В следующем, 1929 г., еще чаще встречаются замечания о том, что Пастернак не печатает новых стихов, а публикует написанное до революции: 17 января (№ 1725) о стихах из № 12 «Нового мира» (1928); 7 марта (№ 1374) – из № 1 «Нового мира» (1929). Говоря о научной поэзии, в выпуске от 18 июля (№ 1507) хроникер отмечает не без сарказма: «Пастернак, однажды в своих стихах по пустяшному поводу упомянувший торичеллиеву пустоту, отныне тоже причислен к поэтам научным» (Возрождение. 1929. 18 июля, № 1507. С. 3). О переводах Пастернака из Рильке в № 8–9 «Нового мира» (1929) Гулливер впервые упоминает 17 октября 1929 г. (№ 1598), давая в выпуске «Литературной летописи» от 26 декабря их развернутую характеристику (ранее приводившуюся Малмстадом). В 1930 г. имя Пастернака упомянуто лишь единожды. Рассуждая о кризисе поэзии в СССР в заметке от 10 июля (№ 1864) хроникер «Возрождения» констатирует: «Пастернак и Тихонов – кумиры поверженные – перешли на прозу, но их почти не слышно» (Возрождение. 1930. 10 июля, № 1864. С. 4).

Отзывы о Пастернаке, публиковавшиеся за подписью «Гулливер» в 1931–1933 гг., представляют довольно курьезный подбор текстов. Критический вектор хроникера меняется: очевидно, в этом сказывается участие второго автора летописи – Берберовой. Однако, по-видимому, Ходасевич не готов был во всем с ней согласиться. Это особенно наглядно видно в двух довольно пространственных заметках об «Охранной грамоте» Пастернака, появившихся летом 1931 г.: 18 июня и 6 августа. Первую из них Гулливер начинает с небольшого обзора вышедшей ранее прозы Пастернака:

В апрельском номере «Красной нови» напечатана вторая часть повести Б. Пастернака «Охранная грамота». Первая часть появилась еще в 1929 году в «Звезде». Пастернак в 1921 году выпустил сборник рассказов и повестей, среди которых повесть «Детство Люверс» обратила на себя всеобщее внимание. Автор выказал себя в ней интересным стилистом и психологом, проза его только редкими местами

⁸ Ссылки на хронику приведены непосредственно в тексте и не выносятся в общий библиографический список.

⁹ Имеется в виду статья В. Маяковского «Как делать стихи?» 1926 г.

напоминала его поэзию и была много зрелее и насыщеннее. С тех пор Пастернак писал (во всяком случае, печатал) в прозе очень мало (Возрождение. 1931. 18 июня. № 2207. С. 4).

Далее хроникер переходит непосредственно к тексту повести:

«Охранная грамота» – автобиография; вряд ли сам автор стал бы протестовать против такого утверждения: его справедливость очевидна для всякого. В повести все очень непринужденно; только *сама жизнь* (выделено в тексте. – Е.З.) могла привести Пастернака к плавному, сюжетно-былинному и внутренне не мотивированному ходу ее. В ней рассказывается, как герой учился в Марбурге, у профессора Когена, как потом, вследствие несчастной любви к девушке, бросил он философию и занялся стихами, как уехал в Италию, видел Венецию и полюбил живопись эпохи Возрождения («Охранная грамота» // Возрождение. 1931. 18 июня. № 2207. С. 4).

Далее следуют оговорки, которые напоминают некоторые замечания Ходасевича, но, как нам кажется, ему не принадлежат¹⁰. Что касается публикации, появившейся на страницах «Возрождения» 6 августа, то она как раз, вероятнее всего, вышла из-под его пера. Обращает на себя внимание, что простота фабулы, проистекающая из «самой жизни», представленная как главное преимущество повести в первом отзыве, становится ее главным недостатком во втором:

Повесть насквозь автобиографична; автор и не скрывает этого: действующие лица выведены либо под полными именами, либо под инициалами. Но не в этом ее недостаток: плохо то, что она – сырой материал, недостаточно любопытный по фабуле и вместе с тем вовсе не любопытный как произведение искусства. Искусства в нем гораздо меньше, чем подлинной жизни, а для человеческого документа повесть слишком незначительна внутренне. Рассказывается в ней жизнь самого Пастернака, в ее творчески-поэтическом разрезе, все остальное взято лишь как аксессуар главной темы. Рассказывается о молодых годах поэта, о студенческой жизни в германском городке, о первой любви («Охранная грамота» // Возрождение. 1931. 6 августа. № 2256. С. 4).

Расхождение в оценке повести с предыдущим откликом, в котором «Охранная грамота» была названа хроникером вещью «редкостной»,

¹⁰ «В лучшей части повести, особенно описывая вещи, внешнюю обстановку, Пастернак иногда напоминает Сирина. Однако у Сирина нет многого, что коробит в Пастернаке, и прежде всего немотивированной сложности формы при слишком несложном содержании. Этот недостаток, но еще сильнее, чувствуется весьма часто в стихах Пастернака» («Охранная грамота» // Возрождение. 1931. 18 июня. № 2207. С. 4).

Гулливер объясняет тем, что «Первые главы, напечатанные в предыдущей книжке, были написаны острее и своеобразнее. Окончание повести гораздо менее ярко, чем начало; местами оно грешит скукой...» («Охранная грамота» // Возрождение. 1931. 6 августа. № 2256. С. 4). Однако даже из приведенных цитат видно, что речь идет как раз об одних и тех же событиях ранней молодости Пастернака, которые при пересмотре оказались слишком «незначительными».

Факт, что «отдельные удачные места», названные Гулливером, все находятся как раз во второй, будто бы менее удачной части повести, еще больше утверждает нас в предположении, что перед нами два разных взгляда на повесть, а вовсе не изменившийся после прочтения повести целиком взгляд одного и того же рецензента. Кроме того, обращает на себя внимание, что «удачные» эпизоды – «описание вечера в одном московском салоне, “в доме стихотворца-любителя А.”, встречи поэтов в кафе, на Тверском бульваре и др.» относятся в основном к общим воспоминаниям Ходасевича и Пастернака (в некоторых местах имя Ходасевича прямо указано), и могли показаться последнему более интересными в силу того, что он сам был когда-то их участником. Характерно, что в первой заметке Гулливер (которого мы здесь, думается, не без оснований, отождествляем с Берберовой) в ряду событий повести называет «видел Венецию и полюбил живопись эпохи Возрождения» («Охранная грамота» // Возрождение. 1931. 18 июня. № 2207. С. 4). Такое сопоставление, а точнее, смешение жизни внешней, состоящей из действий и впечатлений непосредственных, и внутренней, заключающейся во впечатлениях, главным образом вызванных искусством, философией, в высшей степени свойственно Берберовой¹¹. Именно стремление отразить в автобиографической прозе не только отношения с конкретными писателями, поэтами и художниками, но и с искусством вообще, сближает Берберову с Пастернаком, и именно это отнюдь не свойственно, даже несколько смешно Ходасевичу. В самом раннем отзыве на «Охранную грамоту», который определенно принадлежит Ходасевичу [Малмстад, 1990, с. 53–54], говорится с иронией:

«Охранная грамота» – род воспоминаний, очень лирических и субъективных, но талантливых. Из них мы узнаем, что с детства Пастернак жил в двух стихиях – философии и музыки. О той и о другой

¹¹ Любопытен в этом отношении эпизод знакомства с В.В. Набоковым, которое состоялось в 1932 г. В книге воспоминаний «Курсив мой» Берберова между прочим замечает: «не столько любопытствуем друг о друге: “кто вы такой? кто вы такая?” Мы больше заняты вопросами: “что вы любите? кого вы любите?” (Чем вы сыты?)» [Берберова, 2015, с. 360]. В письмах к жене Набоков так отзывался о писательнице и об этих разговорах: «Она очень симпатичная, но какая-то густо-литературная и одевается ужасно. У нее познакомился с Фельзеном, говорили исключительно о литературе, меня скоро от этого начало тошнить. Таких разговоров я с гимназических лет не вел. А этого знаете? А этого любите? А этого читали?» [Набоков, 2017, с. 212].

пишет он восторженно и многословно (Возрождение. 1929. 26 декабря. № 1668. С. 3).

Вообще же создается впечатление, что ранняя проза Пастернака в значительной мере повлияла на Берберову. Возможно, именно под впечатлением от «Детства Люверс» она описала собственное детство в автобиографии «Курсив мой»¹². То, что некоторые критики Берберовой расценили как попытку «встать в какую-то снобистически-эксцентрическую позу», было, вероятно, создано в большей мере с оглядкой на эстетический образец, воспринятый от Пастернака, чем из желания показать «необыкновенность своего внутреннего мира» [Гуль, 1970, с. 286].

Так или иначе, представляется вполне очевидным: в 1931 г. у авторов хроники советской литературы в газете «Возрождение» не было единого взгляда на творчество Пастернака. Сначала осторожно, с оговорками, а потом все более определенно и развернуто Берберова стала проводить свою критическую линию в отношении этого писателя, что можно трактовать как попытку выйти из-под влияния Ходасевича. Ее оценка стихов Пастернака того периода нашла отражение в мемуарах. Говоря о романе Олеси «Зависть», она пишет: «Это было и осталось для меня крупнейшим событием в советской литературе, пожалуй, даже большим, чем “Волны” Пастернака» [Берберова, 2015, с. 363]. Очевидно, цикл «Волны», опубликованный в № 1 «Красной нови» за 1932 г., ею воспринимается тоже как событие, притом весьма значительное. Впервые о нем упомянуто в летописи от 21 апреля 1932 г.:

Кроме стихов Б. Пастернака, в последние полгода появляющихся то в “Красной нови”, то в “Новом мире”, и в значительной мере превосходящих все, написанное Пастернаком в прежние годы, в СССР почти не видно стоящих стихов <...> Стихи Пастернака... запоминаются каким-то новым рисунком, новым голосом, который в них звучит» (Поэзия последних месяцев // Возрождение. 1932. 21 апреля. № 2515. С. 4).

Тут же Берберова приводит отрывок из стихотворения «Есть в опыте больших поэтов...». Исходя из этой цитаты, можно заключить, что подобные же сочувственные отзывы на стихи Пастернака стали появляться в «Возрождении» с осени прошлого, 1931 г. Но на самом деле они стали появляться еще раньше. В феврале 1931 г. встречаются одобрительные слова о двух балладах Пастернака, напечатанных в № 12 «Красной нови» (1930): «После поэмы “Спекторский” они кажутся даже несколько “пассеистическими”. Насколько, все же, Пастернак “правее”

¹² Влиянию автобиографической прозы Пастернака на Ходасевича посвящены статьи А.Ю. Сергеевой-Клятиц [Сергеева-Клятиц, 2016, 2017].

в своих литературных приемах, чем его последователи!» (Возрождение. 1931. 12 февраля № 2081. С. 4); 21 мая целиком приведено стихотворение «Другу» (№ 4 «Новый мир» (1931)), названное «удачным и любопытным» (Стихи Б. Пастернака // Возрождение. 1931. 21 мая. № 2179. С. 4) по содержанию; 4 июня, рассуждая о склонности советских поэтов обличать друг друга в стихах в уклонах и недостатках, Гулливер замечает, что на этом фоне «еще резче выделяются... стихи поэтов “настоящих”, как Мандельштам, Пастернак, Эрлих» (Споры поэтов // Возрождение. 1931. 4 июня. № 2193. С. 4); 24 сентября, после публикации двух разобранных нами отзывов на «Охранную грамоту», хроникер посвящает стихам Пастернака отдельную заметку; затем о новых стихах Пастернака говорит особо в выпуске от 22 октября – все это отклики, предшествовавшие появлению «Волн».

В конце апреля 1932 г. Берберова и Ходасевич расстались. Ведение хроники как будто бы перешло к Берберовой: так она пишет в воспоминаниях [Берберова, 2015, с. 362]. Не вдаваясь в подробности личных и деловых отношений Ходасевича и Берберовой, отметим, что сохранившиеся в их переписке свидетельства работы Берберовой над хроникой позволяют отнести к ней заметку «О Пастернаке» [Закрыжевская, 2020б], появившуюся в «Возрождении» 15 сентября 1932 г.: «В этих стихах (печатавшихся в прошедший год в журналах “Новый мир” и “Красная новь”. – Е.З.) приоткрылось новое, очень лирическое и очень романтическое лицо поэта» (Возрождение. 1932. 15 сентября. № 2662. С. 4). Тут же сказано об «Охранной грамоте», где, по словам хроникера жизнь Пастернака рассказана «с большим вкусом». Еще один выпуск хроники (от 2 июня), также содержащий отклик на стихи Пастернака, разительно похож на приведенную выше заметку, атрибутируемую Берберовой: «За последнее время несколько раз приходилось говорить о новых стихах Пастернака, печатаемых в “Новом мире” и “Красной нови”. Они каждый раз обращают на себя внимание своеобразным, каким-то почти “классическим” тоном, глубиной лиризма, точностью прежде довольно расплывчатых в своей сложности образов» (Новые стихи Пастернака // Возрождение. 1932. 2 июня. № 2557. С. 4). Среди трех стихотворений поэта в № 2 «Нового мира» (1932) к наиболее «современным» стихам Гулливер причисляет «Упрек не успел потускнеть...» и «Когда я устаю от пустозвонства...».

Подводя итог пятилетнему развитию советской литературы в выпуске от 10 ноября, Гулливер пишет: «Единственный поэт, за последние годы не только уцелевший, но и выросшей в своей значительности, это Пастернак. Это единственное имя, которое приходит на ум человеку, искренне желающему дать ответ на вопрос: да существуют ли теперь

в России настоящие поэты?» (Юбилей октябрьской революции // Возрождение. 1932. 10 ноября. № 2718. С. 4). Наконец, последняя на долгие годы специальная заметка о Пастернаке появилась 23 марта 1933 г. В ней Гулливер комментирует статью А. Селивановского «Поэт и революция. О творчестве Бориса Пастернака» [Селивановский, 1932], посвященную книге «Второе рождение», вновь упоминая цикл «Волны».

С этого времени в хронике встречаются лишь беглые и зачастую иронические замечания о переводах Пастернака, главным образом из грузинских поэтов. Любопытна заметка о переводах Шекспира, где Гулливер (здесь, вероятно, Ходасевич) полемизирует с К. Чуковским, выступившим по этому поводу на страницах «Красной нови» [Чуковский, 1935]:

Он (Чуковский. – Е.З.) заявляет, что после Хлебникова, Маяковского и Пастернака диапазон русской поэтической речи чрезвычайно расширен, и мы уже подготовлены к безболезненному восприятию наиболее чуждых духу русского языка оборотов Шекспира. Дело, однако, не в языке. Русский язык (здесь и далее выделено в тексте. – Е.З.) и без помощи Хлебникова, Маяковского и Пастернака был бы способен воспроизвести всю цветистость и сложность языка шекспировского. Но духу русской поэзии, всегда искавшей скромнейших способов выразить самые сильные чувства и простейших приемов для изъяснения сложнейших мыслей, шекспировский стиль фатальным образом чужд. Воспроизвести его во всей полноте значило бы заставить русское ухо и русское чутье получить такие впечатления, которых английский читатель и зритель Шекспира не получал никогда – ни в эпоху Шекспира, ни позже. Сам Шекспир по-русски писал бы не так, как писал по-английски. Чуковский забывает, что Хлебников, Маяковский и отчасти Пастернак не столько чужды русскому языку, сколько духу русской поэзии (Советский Шекспир // Возрождение. 1935. 30 мая. № 3648. С. 4).

Очевидно, в 1935 г., когда была напечатана эта заметка, не может идти речи о каком-либо эстетическом консенсусе между Ходасевичем и Пастернаком. Тем не менее, «пастернаковский сюжет» в хронике Гулливера этим не исчерпывается. А.Ю. Сергеева-Клятис в книге «Сумерки свободы» отмечает, что с начала 1930-х гг. меняется мнение Ходасевича о Пастернаке: «Речь шла, правда, не о признании поэтической индивидуальности, но во всяком случае о признании за Пастернаком человеческого достоинства и понимании его поведенческой линии, отдельной от магистрального пути советской литературы» [Сергеева-Клятис, 2016, с. 267]. Далее следует отсылка к статье Владислава Ходасевича «Съезд советских писателей», опубликованной 13 сентября

1934 г. Мы позволим себе привести довольно обширную цитату оттуда, поскольку, на наш взгляд, слова Ходасевича о Пастернаке в ней могут быть уточнены некоторыми высказываниями из хроники Гулливера:

Но замечательно, что там, где писатели были вынуждены говорить только о политической своей лояльности, один Бухарин заговорил о литературе, о искусстве – и высказал как раз то, чего никогда не посмел бы сказать ни один писатель. Бухарин (конечно, со всевозможными оговорками, отчасти, даже эзоповским языком) говорил, что время агитационного лубка, Демьяна Бедного, Маяковского и Безыменского миновало безвозвратно, что советская поэзия должна искать более сложных и глубоких тем. Его речь была неким чуть не увенчанием самого сравнительно «аполитичного» из советских поэтов – Бориса Пастернака, и в этом смысле была примечательна. Однако – *quod licet Iovi, non licet bovi*. Пастернак, отвечая, вступился за Демьяна и Безыменского. Тут проявил он не только благородство великодушного соперника, но и глубокую осторожность. И в самом деле: Демьян тотчас озверел, а Бухарину, видимо, где-то намылили голову, и он поспешил, если не вовсе взять обратно свои слова, то, во всяком случае, весьма и весьма их смягчить [Ходасевич, 1934].

Нетрудно заметить, что поведенческая линия Пастернака видится Ходасевичем уходящей скорее в сторону «глубокой осторожности», и, проявляя «благородство великодушного соперника», он хорошо помнит: «что дозволено Юпитеру, не дозволено быку», т.е. учитывает переменчивый политический климат. Это подтверждает следующий отрывок из заметки Гулливера под названием «Минский пленум»:

Нужно думать, что минский пленум принесет довольно важные плоды, ибо послужит к разрешению недоразумения, возникшего после «исторического» съезда писателей. Как известно, на съезде были возвещены литературные вольности и была раскрепощена поэзия от обязательной политической нагрузки. Многие (особенно из молодых) все это приняли за чистую монету, и советские журналы запестрели любовной, пейзажной, чуть ли не пасторальной лирикой. Старшие поэты замолкли, потому что одни, как Демьян Бедный, Безыменский, Асеев, оказались не ко времени, а другие, как Пастернак, побоялись, поверив свободе, обнаружить свою буржуазную сущность и выступали больше в качестве переводчиков. Теперь все ясно, на пленуме единодушно разъяснено, что лирика должна быть политической, а свободы ее ни в чем ином заключаются, что она может пользоваться любыми размерами. В соответствии с этим на съезде много говорилось о Пастернаке. Осмелевшие составители

стихотворных агиток, которых Бухарин совсем было сдал в архив, призывали Пастернака «решительно и последовательно пересмотреть философскую и идеологическую основу его творчества». «Наше время – сталинское время, – восклицает Безыменский. – Сумейте сделать выводы!» Сделать эти выводы Пастернаку придется. С большой долей вероятности нужно теперь ожидать от него либо полнейшего, гробового молчания, либо стихов на стахановские и в особенности на оборонные темы. Последнее вероятнее, потому что, судя по газетным известиям, уже начались какие-то взаимные комплименты между Пастернаком и Демьяном Бедным» (Минский пленум // Возрождение. 1936. 5 марта, № 3928. С. 4).

На наш взгляд, эта заметка, которую мы относим к Ходасевичу (об атрибуции данного выпуска см. [Закрыжевская, 2020а, с. 346–348]), содержит своего рода разъяснение к его подписной статье и позволяет трактовать высказанное в ней замечание отнюдь не в пользу Пастернака. Публикация, озаглавленная «Формализм» (также за подписью Гулливера) дает нам еще более определенные сведения на этот счет:

На «историческом» съезде писателей... советское начальство возвестило писателям «свободу творчества», понимая под этим, что отныне разрешается содействовать видам правительства, работая в любом литературном стиле и не прибегая к приемам откровенной агитационной словесности. Все это было высказано в нарочито неясных терминах, благодаря которым некоторые советские писатели (особенно – молодые поэты) и некоторые здешние были введены в заблуждение. Вообразили, будто отныне агитация в пользу советского правительства и его предначертаний вообще не обязательна. <...> Авторы матерые, как А. Толстой, Пильняк, Пастернак, Леонов и пр., до времени притаились, выжидая событий и боясь себя скомпрометировать. Мы в свое время указали на то, что они правильно поступают, ибо выказать склонность к пользованию свободами было бы рискованно. <...> Против тех легковых, которые вздумали было применять свободные, не лубочные, не агитационные приемы, теперь выдвигается тяжкое обвинение в отрыве от масс, в мелкобуржуазном увлечении формальной стороной творчества в ущерб идейной, т.е. агитационной (Формализм // Возрождение. 1936. 26 марта. № 3949. С. 4).

Однако несмотря на то, что Пастернак проявил, по выражению Гулливера, «благоразумную осторожность», все-таки именно «за “формализм” был низвергнут с трона Пастернак, незадолго перед тем коронованный Бухариным» (Юбилейные подношения // Возрождение. 1938. 9 ноября. № 4158. С. 9). «В действительности формалистические

уродства шли от футуризма <...> в течении, направленном против формализма, кое-какое здоровое начало имелось. Однако за два-три года и это здоровое начало выродилось в преследование всякого просто умения, всяких начатков стихотворного мастерства и своеобразия» (Юбилейные подношения // Возрождение. 1938. 9 ноября. № 4158. С. 9) – констатирует Ходасевич-Гулливер в 1938 г.

Последняя специальная заметка, посвященная Пастернаку, вышла в «Литературной летописи» 30 декабря 1938 г. Хотя поводом к ее публикации стало появление в «Литературной газете» двух отрывков из романа Пастернака (романа о Патрике, который был в некотором смысле «протороманом» по отношению к «Доктору Живаго»), Гулливер вовсе не комментирует содержание его прозы. Весь текст целиком относится к политической судьбе Пастернака:

Когда совершилось падение Бухарина, имя Пастернака на некоторое время вовсе исчезло со страниц советских журналов. По-видимому, он был недалеко от зачисления в разряд «врагов народа». Ему запрещали участвовать даже в коллективных резолюциях с разными приветствиями и проклятиями. Потом он был до некоторой степени амнистирован, и его в течение нескольких лет заставляли переводить стихи разных Тычин, Джамбулов и т.п. окраинных «народных певцов». В настоящее время, надо думать, его положение несколько улучшилось. Его стихи по-прежнему остаются под запретом, но в «Литературной газете» появились два отрывка из его романа (от 15 декабря 1938 г. – Е.З.). Если этот «опыт» сойдет благополучно, то Пастернак, вероятно, будет реабилитирован (Борис Пастернак // Возрождение 1938. 30 декабря, № 4164. С. 9).

В последний раз имя поэта встречается в публикации от 10 марта 1939 г., посвященной юбилею литературной деятельности Н. Асеева. Многими своими чертами текст заметки восходит к статье Ходасевича «Орденосцы», вышедшей 17 февраля того же года. Интересно, что обострение отношений между Ходасевичем и Пастернаком, как это нами уже упоминалось выше, началось в 1922 г. именно в связи с публикацией Асеевым разгромной рецензии на сборник стихов Ходасевича. Реакция Пастернака, с которым общался в тот момент Ходасевич, показалась ему оскорбительной, последовали выступления в прессе. Теперь же Гулливер (за маской которого, как мы полагаем, скрывается Ходасевич), старается развести как можно дальше бывших участников группы «Центрифуга». Прежде всего, он называет Пастернака «единственным одаренным человеком» (Возрождение. 1939. 10 марта, № 4174. С. 9) из всей группы. Поскольку он начал печататься еще раньше Асеева, который теперь справляет двадцатипятилетний юбилей литературной деятельности, Гулливер приходит к выводу, что Пастернаку отказано в таковом. Затем

он пишет: «Товарищи (в том числе Пастернак) приветствуют юбиляра <...> Большинство (к которым не принадлежит Пастернак), делают это в довольно подобострастной форме» (Возрождение. 1939. 10 марта, № 4174. С. 9). Здесь, как нам кажется, происходит то самое признание «человеческого достоинства» [Сергеева-Клятис, 2016, с. 267], о котором говорит А.Ю. Сергеева-Клятис по отношению к более ранней статье Ходасевича. В заключение Гулливер подчеркивает, что Пастернак отнюдь не принадлежит к «орденоносцам», называя также и других поэтов, кроме Асеева, удостоившихся государственных наград. Характерно, что хроникер пытается провести черту не только между Асеевым и Пастернаком, но и между Асеевым и Маяковским. Критик «Литературной газеты» называет Маяковского «великим поэтом сталинской эпохи» [Андреев, 1939], что, по мнению Гулливера, не соответствует действительности, ведь при Сталине, в конце 1920-х гг., «Маяковский уже переживал явный упадок, а затем вскоре и застрелился» (Возрождение. 1939. 10 марта, № 4174. С. 9). В конечном итоге Асеев оказывается в списке «орденоносцев», большинство из которых – «окраинные поэты» и писатели, выдвинувшиеся в советское время, т.е., по Гулливеру, находящиеся вне границ настоящей литературы, которую, по крайней мере, в данной заметке, знаменует собой Пастернак.

3. Заключение

На этом, как нам кажется, исчерпывается то новое, что может добавить хроника «Возрождения» к противостоянию критика Ходасевича и поэта Пастернака, которое восходит к противостоянию двух поэтов, и даже больше – двух совершенно различных поэтических миров. Отзывы, которые Гулливер оставил о Пастернаке, не дают права говорить о сглаживании противоречий, существовавших с самого начала между ним и Ходасевичем и, напротив, подтверждают устойчивость этих противоречий. Думается, в том числе именно поэтому история взаимоотношений Ходасевича и Пастернака может быть названа без преувеличения «главным противопоставлением эпохи» [Сергеева-Клятис, 2016, с. 268].

Приложение

Не вошедшие в основной текст статьи упоминания Гулливера о Пастернаке.

1931 г. 29 января № 2067: упоминается вступление к поэме «Спекторский» Пастернака, опубликованной в № 12 «Нового мира» (1930). 3 сентября № 2284: «О Пастернаке», отдельная заметка о статье А. Тарасенкова в № 5 «Звезды», посвященной Пастернаку. 17 декабря № 2389: в заметке «Перестройка лирической поэзии» Гулливер цитирует С. Малахова: «Лирика нужна и сейчас, но совершенно особая лирика

<...> Нельзя больше говорить о Пастернаке как о поэте для избранных, – он вовсе должен перестать существовать, если не перестроит свою поэзию [«Звезда» № 9 (1931)]».

1932 г. 25 февраля № 2459: «Защита Пастернака», приведены стихи М. Комиссаровой, где доказывается: «Пастернак с нами». 7 июля № 2592: в заметке о поэте Луговском упомянут Пастернак, под влиянием которого, по мнению Гулливера, находятся кроме него, также поэты Браун и Багрицкий. «Нахальства у всех троих немало», – заключает хроникер.

1933 г. 1 июня № 292: имя Пастернака упомянуто среди авторов, намеченных на ближайшие месяцы издания «Литературного современника», а также среди редакторов серии «Библиотека поэта».

1934 г. 22 марта № 3214: упоминается в связи с романом Льва Нитобурга «Немецкая слобода». 12 апреля № 3235: упоминается в рассуждениях о влиянии подсознательного на творчество. 21 июня № 3305, 6 сентября № 3382, 6 декабря № 3473: упоминается о переводах Пастернака.

1935 г. 24 января № 3552: имя Пастернака упоминается среди подписавших статью об убийстве Кирова (№ 12 «Новый мир» (1934)). 7 марта № 3564: о переводах с грузинского Пастернака и Н. Тихонова: «все это довольно серо и переводится, очевидно, под давлением начальства».

1936 г. 30 апреля № 3984: упоминаются переводы грузинских поэтов. 28 мая № 4012: о советском поэте Тихонове, «в знаменитости не уступающем самому Пастернаку».

1937 г. 13 февраля № 4065: отчет В. Друзина о вечерах в поэтической секции петербургского (sic!) отделения Союза поэтов в «Литературном Ленинграде». Стихи о Пушкине, прочитанные там, сравниваются со стихами Лермонтова, Тютчева, Маяковского, Багрицкого, Пастернака. Гулливер, выступая против того, чтобы сопоставлять этих поэтов, все же признает, что и у Маяковского, Багрицкого и Пастернака «самостоятельная мысль, оригинальное понимание темы, личная взволнованность». 27 марта № 4071: упоминается новое развенчание Пастернака и выдвижение на его место «старой гвардии» – Семена Кирсанова. 3 декабря № 4801: «Обсуждаем поэзию». В заметке снова Гулливер вспоминает первый съезд писателей, на котором выступал Бухарин.

1938 г. 15 апреля № 4127: «До такой славы, которой удостоился пресловутый Сулейман Стальский, ни один русский писатель, кажется, не доживал. Некоторые русские поэты, как, например, Пастернак, принуждены отложить собственную лиру в сторону и отдаться переложениям азербейджанской музыки. Другие, как Н. Тихонов, П. Антокольский, Заболоцкий обазербейджанились приблизительно на половину». 9 декабря № 4161: упоминается первый съезд писателей 1934 г. «Пастернака, “увенчанного” Бухариным, свели на роль переводчика разных Джамбулов и Стальских».

Библиографический список / References

Андреев, 1939 – Андреев Е. Славный юбилей // Литературная газета. 1939. 26 февраля. № 11 (790). С. 3. [Andreev E. Glorious anniversary. *Literaturnaya gazeta*. 1939. 26 feb. No. 11 (790). P. 3. (In Rus.)]

Берберова, 2015 – Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. М., 2015. [Berberova N.N. Kursiv moy: Avtobiografiya [The Italics are mine. Autobiography]. Moscow, 2015.]

Богомолов, 1990а – Богомолов Н.А. Выбор путей // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 60–64. [Bogomolov N.A. Choose of paths. *Literaturnoe obozrenie*. 1990. No. 2. Pp. 60–64. (In Rus.)]

Богомолов, 2008 – Богомолов Н.А. Гулливер и Вази́р-Мухтар // *Natales grate numeras?* Сб. ст. к 60-летию Г.А. Левинтона. СПб., 2008. С. 144–152. [Bogomolov N.A. Gulliver and Vazir-Mukhtar. *Natales grate numeras? Sbornik statei k 60-letiyu G.A. Levintona*. St. Petersburg, 2008. Pp. 144–152. (In Rus.)]

Богомолов, 2010 – Богомолов Н.А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2010. [Bogomolov N.A. Sopryazhenie dalekovatykh: O Vyacheslave Ivanove i Vladislave Khodaseviche [Conjugation of the distant: About Vyacheslav Ivanov and Vladislav Khodasevich]. Moscow, 2010.]

Богомолов, 2012 – Богомолов Н.А. Ивелич – Сизиф – Гулливер: хроники советской литературы в парижских газетах // *Réfraction de l'Union soviétique et de la littérature soviétiques dans l'émigration*. (Modernités russes. Université Jean Moulin Lyon 3, Centre d'Études Slaves André Lirondelle. Т. 13). Lyon, 2012. С. 3–12. [Bogomolov N.A. Ivelich – Sizif – Gulliver: Chronicles of Soviet literature in Parisian newspapers. *Réfraction de l'Union soviétique et de la littérature soviétiques dans l'émigration*. Т. 13. Modernités russes. Université Jean Moulin Lyon 3, Centre d'Études Slaves André Lirondelle. Lyon, 2012. Pp. 3–12. (In Rus.)]

Вайсбанд, 2017 – Вайсбанд Э. В борьбе за переписывание идеологии русско-го футуризма: младоформалисты, «некий А. Дымшиц» и Гулливер о военных статьях Маяковского // Новое литературное обозрение. 2017. № 143. С. 32–53. [Waysband E. The fight for rewriting the ideology of Russian futurism: The young formalists, “A certain A. Dymshits,” and Gulliver on Mayakovsky’s war articles. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2017. No. 143. Pp. 32–53. (In Rus.)]

Гёблер, 2002 – Гёблер Ф. Об одном стихотворении Владислава Ходасевича // Литература. 2002. № 29. URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200202902> (дата обращения: 12.09.2020). [Göbler F. On one poem by Vladislav Khodasevich. *Literatura*. 2002. No. 29. URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200202902> (In Rus.)].

Гиппиус, 1978 – Гиппиус З. Письма к Берберовой и Ходасевичу. Ann Arbor, 1978. [Gippius Z. Pisma k Berberovoy i Khodasevichu [Letters to Berberova and Khodasevich]. Ann Arbor, 1978.]

Гуль, 1970 – Гуль Р.Б. N. Berberova. The Italics are mine (рец. на англ. изд.) // Новый журнал. 1970. № 99. С. 283–292. [Gul’ R.B. N. Berberova. The Italics are mine (review). *Novyi Zhurnal*. 1970. No. 99. Pp. 283–292. (In Rus.)]

Заболоцкий, 2010 – Заболоцкий Н.А. Pro et contra: Антология. СПб., 2010. [Zabolotskii N.A. Pro et contra. Anthology. St. Petersburg, 2010.]

Закрыжевская, 2016 – Закрыжевская Е.А. Анонимная хроника советской литературы в эмигрантской газете «Дни» 1925–1926 гг.: к проблеме атрибуции // Русская филология: Сб. научных работ молодых филологов. Тарту, 2016. Вып. 27. С. 192–203. [Zakryzhevskaya E.A. The anonymous chronicle of Soviet literature in the Dni newspaper for 1925–1926. Towards the problem of attribution. *Russkaya filologiya: Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov*. Tartu, 2016. Vol. 27. Pp. 192–203. (In Rus.)]

Закрыжевская, 2018 – Закрыжевская Е.А. Ивелич и Гулливер на страницах эмигрантской газеты «Возрождение» о советском критике Вяч. Полонском // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 6. С. 172–190. [Zakryzhevskaya E.A. Ivelich and Gulliver in the emigrant newspaper *Vozrozhdenie* about Soviet critic Vyacheslav Polonskiy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2018. No. 6. Pp. 172–190. (In Rus.)]

Закрыжевская, 2020а – Закрыжевская Е.А. Биографические черты Владислава Ходасевича в хронике «Гулливера» // Литературный факт. 2020. № 15. С. 346–348. [Zakryzhevskaya E.A. Biographical features of Vladislav Khodasevich in Gulliver's chronicle. *Literaturnyi fakt*. 2020. No. 15. Pp. 346–348. (In Rus.)]

Закрыжевская, 2020б – Закрыжевская Е.А. «Литературная летопись» в письмах В.Ф. Ходасевича к Н.Н. Берберовой // Медиаскоп. 2020. Вып. 2. DOI: 10.30547/mediascope.2.2020.8 [Zakryzhevskaya E. A. “Literaturnaya letopis’” in letters from V.F. Khodasevich to N.N. Berberova. *Mediascope*. 2020. No. 2. DOI: 10.30547/mediascope.2.2020.8 (In Rus.)]

Иванов, 1928 – Иванов Г. В защиту Ходасевича // Последние новости. 1928. 8 марта. № 2542. С. 3. [Ivanov G. In defense of Khodasevich. *Poslednie novosti*. 1928. March 8. No. 2542. P. 3. (In Rus.)]

Крайний, 1927 – Крайний Антон [Гиппиус З.Н.]. «Знак» о Владиславе Ходасевиче // Возрождение. 1927. 15 декабря. № 926. С. 2–3. [Krainii Anton [Gippius Z.N.]. “Znak” on Vladislav Khodasevich. *Vozrozhdenie*. 1927. December 15. No. 926. Pp. 2–3. (In Rus.)]

Малмстад, 1990 – Малмстад Дж.Э. Единство противоположностей. История взаимоотношений Ходасевича и Пастернака // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 51–59. [Malmstad J.E. Unity of opposites. History of relationships between Khodasevich and Pasternak. *Literaturnoe obozrenie*. 1990. No. 2. Pp. 51–59. (In Rus.)]

Набоков, 2017 – Набоков В. Письма к Вере. М., 2017. [Nabokov V. Pisma k Vere [Letters to Vera]. Moscow, 2017.]

Пастернак, Бобров, 1996 – Борис Пастернак и Сергей Бобров: Письма четырех десятилетий / Публ. и предисл. М.А. Рашковской; РГАЛИ // Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996. [Boris Pasternak and Sergei Bobrov: Letters for four decades. M.A. Rashkovskaya (publication and preface). *Vstrechi s proshlym*. Iss. 8. Moscow, 1996. (In Rus.)]

Полонский, 2019 – Полонский В.В. Gallo-Rossica: Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII – начала XX века. М., 2019. [Polonsky V.V. Gallo-Rossica: Iz istorii russko-frantsuzskikh literaturnykh svyazei kontsa XVIII – nachala XX veka [Gallo-Rossica: From the history of Russian-French literary connections (late 18th – early 20th centuries)]. Moscow, 2019.]

Селивановский, 1932 – Селивановский А. Поэт и революция: О творчестве Бориса Пастернака // Литературная газета. 1932. 5 декабря. № 55 (224). С. 1, 4. [Selivanovskii A. Poet and revolution: On Boris Pasternak's work. *Literaturnaya gazeta*. 1932. December 5. No. 55 (224). Pp. 1, 4. (In Rus.)]

Сергеева-Клятис, 2010 – Сергеева-Клятис А.Ю. Тоска по автобиографии: К теме «Пастернак и Ходасевич» // *Russian Literature*. 2016. Т. 83–84. С. 41–53. [Sergeeva-Klyatis A.Yu. Longing for an Autobiography: Pasternak and Khodasevich. *Russian Literature*. 2016. Vol. 83–84. Pp. 41–53. (In Rus.)]

Сергеева-Клятис, 2016 – Сергеева-Клятис А.Ю. Сумерки свободы: Борис Пастернак в критике 1920-х годов. М., 2016. [Sergeeva-Klyatis A.Yu. Sumerki svobody: Boris Pasternak v kritike 1920-kh godov [The twilight of freedom: Boris Pasternak in criticism of the 1920s]. Moscow, 2016.]

Сергеева-Клятис, 2017 – Сергеева-Клятис А.Ю. «Ощущения младенчества»: К теме «Пастернак и Ходасевич» // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2017. Т. 18. № 1. С. 245–257. [Sergeeva-Klyatis A.Yu. “Feelings of infancy”: Pasternak and Khodasevich. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. 2017. Vol. 18. No. 1. Pp. 245–257. (In Rus.)]

Сергеева-Клятис, 2021 – Сергеева-Клятис А.Ю. «Переключаться Пушкиным»: Ходасевич и Пастернак о массовой и элитарной поэзии // *Литературный факт*. 2021. № 1 (19). С. 325–334. [Sergeeva-Klyatis A.Yu. “Talk with Pushkin”: Khodasevich and Pasternak on mass and elite poetry. *Literturnyi fakt*. 2021. No. 1 (19). Pp. 325–334. (In Rus.)]

Терапиано, 1926 – Терапиано Юрий. Два начала русской современной поэзии // *Новый дом*. 1926. № 1. С. 21–31. [Terapiano Yu. Two beginnings of Russian modern poetry. *Novyi dom*. 1926. No. 1. Pp. 21–31. (In Rus.)]

Терапиано, 2014 – Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Эссе, воспоминания, статьи. СПб., 2014. [Terapiano Yu. Literaturnaya zhizn russkogo Parizha za polveka (1924–1974). Esse, vospominaniya, stati [Half-a-century of the literary life of Russian Paris (1924–1974). Essays, memories, articles]. St. Petersburg, 2014. (In Rus.)]

Успенский, 2014 – Успенский П.Ф. «Лиры лабиринт»: Почему В.Ф. Ходасевич назвал четвертую книгу стихов «Тяжелая лира»? // *Лотмановский сборник*. 2014. Вып. 4. С. 450–467. [Uspenskii P.F. “Lyra’s Labyrinth”: Why V.F. Khodasevich called the fourth book of poems “Heavy lyre”? *Lotmanovskii sbornik*. 2014. Vol. 4. Pp. 450–467. (In Rus.)]

Ходасевич, 1926 – Ходасевич В. Заметки о стихах (конкурс «Звена») // *Дни*. 1926. 14 марта. № 954. С. 3. [Khodasevich V. Notes on poetry (literary competition of “Zveno” magazine). *Dni*. 1926. March 14. No. 954. P. 3. (In Rus.)]

Ходасевич, 1934 – Ходасевич В. Съезд советских писателей // *Возрождение*. 1934. 13 сентября. № 3389. С. 4. [Khodasevich V. Congress of Soviet writers. *Vozrozhdenie*. 1934. September 13. No. 3389. P. 4. (In Rus.)]

Ходасевич, 1937 – Ходасевич В. Книги и люди. «Жребий Пушкина», статья о. С.Н. Булгакова // *Возрождение*. 1937. 3 сентября. № 4094. С. 9. [Khodasevich V. Books and people. “Pushkin’s fate”, the article by Father S.N. Bulgakov. *Vozrozhdenie*. 1937. September 3. No. 4094. P. 9. (In Rus.)]

Ходасевич, 2009 – Ходасевич В.Ф. Собр. соч. в 8 т. Т. 1. М., 2009. [Khodasevich V.F. *Sobranie sochineniy v 8 t.* [Collected works in 8 vols.]. Vol. 1. Moscow, 2009.]

Ходасевич, 2010 – Ходасевич В.Ф. Собр. соч. в 8 т. Т. 2. М., 2010. [Khodasevich V.F. *Sobranie sochineniy v 8 t.* [Collected works in 8 vols.]. Vol. 2. Moscow, 2010.]

Цветаева, Пастернак, 2017 – Цветаева М.И., Пастернак Б.Л. Чрез лихолетие эпохи...: письма 1922–1936 годов. М., 2017. [Tsvetaeva M.I., Pasternak B.L. *Chrez liholetie epokhi...: pisma 1922–1936 godov*. M., 2017.]

likholetie epokhi...: pisma 1922–1936 godov [“Through the hard times of the era...”: Letters of 1922–1936]. Moscow, 2017.]

Черкасов, 2018a – Черкасов В.А. В.Ф. Ходасевич, «Гулливер» и советский миф о Горьком // Литературный факт. 2018. № 7. С. 331–348. [Cherkasov V.A. Vladislav Khodasevich, “Gulliver” and the Soviet myth of Gorky. *Literaturnyi fakt*. 2018. № 7. Pp. 331–348. (In Rus.)]

Черкасов, 2018b – Черкасов В.А. Кто был автором рубрики «Литературная жизнь в России» в газете «Дни»? (к проблеме генезиса «Литературной летописи» Гулливера) // Эпоха «великих потрясений» в литературе, языке и культуре («Фетовские чтения»): Материалы Международной научной конференции. Курск, 2018. С. 166–172. [Cherkasov V.A. Who was the author of the heading “Literaturnaya zhizn v Rossii” in newspaper “Dni”. *Epokha «velikikh potryasenii» v literature, yazyke i kulture («Fetovskie chteniya»)*. Kursk, 2018. Pp. 166–172. (In Rus.)]

Чуковский, 1935 – Чуковский К. Единоборство с Шекспиром // Красная новь. 1935. № 1. С. 182–196. [Chukovskii K. A duel with Shakespeare. *Krasnaya nov*. 1935. No. 1. Pp. 182–196. (In Rus.)]

Яковлева, 2006 – Яковлева К. Литературная критика В.Ф. Ходасевича в газете «Возрождение»: к проблеме канонического текста и атрибуции // Текстология и источниковедение в XX веке: Материалы международной научной конференции. СПб., 2006. С. 142–148. [Yakovleva K. Literary criticism of V.F. Khodasevich in the newspaper “Vozrozhdenie”: On the problem of the canonical text and attribution. *Tekstologiya i istochnikovedenie v XX veke*. St. Petersburg, 2006. Pp. 142–148. (In Rus.)]

Яковлева, 2008 – Яковлева К.В. Мемуары Андрея Белого глазами Владислава Ходасевича и Гулливера // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения. М., 2008. С. 418–425. [Yakovleva K.V. Memoirs of Andrei Bely through the eyes of Vladislav Khodasevich and Gulliver. *Andrei Belyi v izmenyayushchemsya mire: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya*. Moscow, 2008. Pp. 418–425. (In Rus.)]

Яковлева, 2007 – Яковлева К. Ходасевич и «Гулливер»: документальные источники атрибуции авторства // Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2007. Вып. 18. С. 107–110. [Yakovleva K. Khodasevich and “Gulliver”: Documentary sources for the attribution of authorship. *Russkaya filologiya*. Tartu, 2007. No. 18. Pp. 107–110. (In Rus.)]

Livak, 2005 – Le Studio franco-russe. Textes réunis et présentés par L. Livak. Sous la rédaction de G. Tassis. Toronto, 2005.

Статья поступила в редакцию 19.10.2021

The article was received on 19.10.2021

Об авторе / About the author

Закрыжевская Елена Андреевна – кандидат филологических наук; независимый исследователь, г. Москва

Elena A. Zakryzhevskaya – PhD in Philology; independent researcher, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1048-0768>

E-mail: elenazakryzhevskaya@gmail.com